

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Решитта
ГРЕГОРИ

*Проглятие
королей*

Москва

2017

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г79

Philippa Gregory
THE KING'S CURSE

Copyright © 2014 by Philippa Gregory
Originally published by Touchstone, a Division of Simon &
Schuster, Inc

Перевод с английского *Е. Ракитиной*
Оформление серии *Е. Соколовой*
Оформление переплета *Н. Ярусовой*

В оформлении использованы фрагменты работы
художника Лукаса Кранаха Старшего
«Принцесса Сибилла Клевская в наряде невесты» (1526)

Грегори, Филиппа.
Г79 Проклятие королей : [роман] / Филиппа Грегори ;
[пер. с англ. Е. Ракитиной].— Москва : Издательство
«Э», 2017. — 608 с. — (Зарубежная классика).

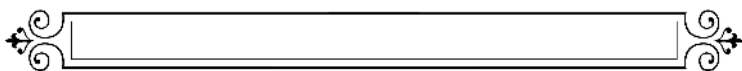
ISBN 978-5-699-99917-0

Ее зовут Маргарет Поул. Племянницу двух королей, дочь самой богатой женщины Англии и сестру человека, который должен был взойти на престол, теперь отлучили от двора и спрятали в глуши. Но забвением и скромным поместьем не напугать Маргарет. Ей, потерявшей всю семью, уже нечего терять, но есть за что бороться. И Маргарет сделает все, чтобы восстановить справедливость и вернуть себе прежнюю жизнь. Жизнь, в которой не было места страху.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Ракитина Е., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-99917-0

ВЕСТМИНСТЕРСКИЙ ДВОРЕЦ, ЛОНДОН,
29 НОЯБРЯ 1499 ГОДА

Вмиг пробуждения я невинна, совесть моя чиста, на ней нет проступков. В первое, туманное мгновение, когда открываются глаза, у меня нет мыслей; я — лишь тело с гладкой кожей и упругими мышцами, женщина двадцати шести лет, неторопливо входящая в радость жизни. Я не чувствую свою бессмертную душу, не чувствую ни греха, ни вины. Меня так восхитительно, так лениво обволакивает сон, что я едва осознаю, кто я.

Я медленно открываю глаза и понимаю, что свет, сочащийся сквозь ставни, означает, что уже давно утро. Потягиваясь с наслаждением, как просыпающаяся кошка, я вспоминаю, какой уставшей была, когда засыпала, и чувствую, что отдохнула, что у меня все хорошо. А потом, в мгновение ока, явь будто обрушивается мне на голову, как груда договоров с блестящими печатями с высокой полки, я вспоминаю, что у меня все совсем не хорошо, вообще все нехорошо, что сегодня то самое утро, которое, я надеялась, не наступит, потому что этим утром я не смогу отречься от своего губительного имени, я — наследница королевской крови, а мой брат, виновный не более, чем я, мертв.

Мой муж, сидящий у постели, полностью одет. На нем красный бархатный камзол, в дублете он кажется грузным и широким, на его мощной груди лежит золотая цепь гофмейстера принца Уэльского. Я не сразу понимаю, что он какое-то время дождался, пока я проснусь. Его лицо искажено тревогой.

— Маргарет?

— Ничего не говорите, — огрызаюсь я, как ребенок, будто, если остановишь слова, дело будет отложено, и, отвернувшись от мужа, зарываюсь лицом в подушку.

— Вы должны быть храброй, — без надежды произносит он.

Поглаживает меня по плечу, словно я больной щенок гончей.

— Должны быть храброй.

Я не смею стряхнуть его руку. Он мой муж, я не смею его обижать. Он — мое единственное прибежище. Я зарыта в нем, мое имя спрятано в его имени. Меня так резко отсекли от моего титула, словно само имя мое обезглавили и унесли в корзине.

Имя у меня самое опасное в Англии: Плантагенет. Когда-то я носила его гордо, точно корону. Когда-то я была Маргарет Плантагенет Йоркской, племянницей двух королей, братьев: Эдуарда IV и Ричарда III, а третий брат был моим отцом — Джордж, герцог Кларенс. Моя мать была богатейшей женщиной Англии, дочерью столь великого человека, что его называли «Делателем Королей». Мой брат Тедди, которого наш дядя король Ричард объявил своим наследником, должен был занять английский трон, и нам двоим, Тедди и мне, принадлежала любовь и верность половины королевства. Мы были благородными сиротами Уорик, спасенными от злой судьбы, выхваченными из ведьминской хватки белой королевы, нас вырастила в королевской детской замка Миддлхем сама королева Анна, и не было в мире ничего слишком роскошного или слишком редкого для нас.

Но когда короля Ричарда убили, мы в одну ночь обратились из наследников престола в претендентов — выживших членов прежнего королевского рода, когда на трон взошел узурпатор. Что было делать с принцами из династии Йорков? С наследниками из рода Уориков? У Тюдоров, у матери и сына, были готовы ответы. Нас всех надлежало оженить в неизвестность, повенчать с тенями, скрыть во браке. Так что теперь я безопасна, я урезана

в разы, до того умалена, что меня можно спрятать под именем бедного рыцаря в усадьбе посреди английской глуши, где земля дешева и где никто не поскачет в бой за мою улыбку, лишь кинет клич «Уорик!».

Я — леди Поул. Не принцесса, не герцогиня, даже не графиня, просто жена скромного дворянина, меня затолкали в забвение, как вышитый герб в заброшенный платяной сундук. Маргарет Поул, молодая беременная жена сэра Ричарда Поула, уже подарившая ему троих детей, из которых двое — мальчики. Генри, угодливо названный в честь нового короля, Генриха VII, и Артур, из подбострастия получивший имя в честь королевского сына, принца Артура; а еще у меня есть дочь Урсула. Мне разрешили назвать ее, всего лишь девочку, как я пожелаю, и я нарекла ее в честь святой, которая предпочла смерть браку с чужим человеком, чье имя ее заставляли принять. Сомневаюсь, что кто-нибудь заметил мой маленький бунт, — надеюсь, что нет.

Но моего брата нельзя было заново окрестить посредством брака. На ком бы он ни женился, каким бы низким ни было ее происхождение, она не могла переменить его имя, как мой муж переменял мое. Он все равно сохранил бы титул графа Уорика, он по-прежнему откликнулся бы на имя Эдвард Плантагенет, он все еще был бы законным наследником английского трона. Подними кто-нибудь его знамя — а рано или поздно это знамя непременно кто-нибудь поднял бы, — половина Англии встала бы под него, просто ради колдовского мерцания белой вышивки, ради белой розы. Его так и называют, Белой Розой.

Раз у него нельзя было отнять имя, у него отняли богатство и земли. Потом отняли свободу, упрятав, словно забытое знамя среди прочих бесполезных вещей, в лондонский Тауэр, между предателей, должников и дураков. Да, у моего брата не было ни слуг, ни земель, ни замка, ни образования, но он сохранил имя, мое имя. Тедди сохранил титул, титул нашего деда. Он все еще был графом Уориком, Белой Розой, наследником трона Плантагенетов, постоянным живым укором Тюдорам, которые

захватили этот трон и теперь зовут его своим. Тедди бросили во тьму, когда ему было одиннадцать, и не выводили на свет, пока ему не минуло двадцать четыре. Он тринадцать лет не ходил по луговой траве. Потом он вышел из Тауэра, — может быть, наслаждаясь запахом дождя от сырой земли, может быть, слушая, как кричат над рекой чайки, может быть, слыша за высокими стенами Тауэра крики и смех свободных людей, вольных англичан, своих подданных. По обе стороны от него шли стражники, он пересек подъемный мост, взошел на Тауэрский холм, опустился на колени перед плахой, положил на нее голову, словно заслуживал смерти, словно хотел умереть, — и его обезглавили.

Это случилось вчера. Только вчера. Весь день лил дождь. Была страшная буря, словно небо возмутилось этим зверством, дождь изливался, как скорбь, и когда мне сообщили, я была со своей кухней-королевой в ее изысканно обставленных покоях — мы закрыли ставни, чтобы не видеть тьмы, словно не хотели смотреть на дождь, смывавший с Тауэрского холма в канаву кровь — кровь моего брата, мою кровь, кровь королей.

— Постарайтесь быть храброй, — снова бормочет мой муж. — Подумайте о ребенке. Постарайтесь не бояться.

— Я не боюсь, — обернувшись через плечо, отвечаю я. — Мне не нужно стараться быть храброй. Мне нечего бояться. Я знаю, что с вами мне ничего не грозит.

Он мешкает. Он не хочет напоминать мне, что мне, возможно, все еще есть чего бояться. Возможно, даже его небогатое поместье не настолько скромно, чтобы я была в безопасности.

— Я хотел сказать, постарайтесь не показывать свое горе...

— Почему? — вырывается у меня детский плач. — Почему мне нельзя горевать? Мой брат, мой единственный брат мертв! Обезглавлен как предатель, хотя был невинен как дитя. Почему мне нельзя горевать?

— Потому что им это не понравится, — просто отвечает он.

ВЕСТМИНСТЕРСКИЙ ДВОРЕЦ, ЛОНДОН,
ВЕСНА 1500 ГОДА

Сама королева спускается по парадной лестнице, чтобы попрощаться с нами, когда мы покидаем Вестминстер после Рождественского праздника, хотя король все еще не выходит из своих покоев. Его мать твердит, что с ним все хорошо, его просто слегка лихорадит, он силен и здоров, просто переживает холодные зимние дни у жаркого огня; но никто ей не верит. Все знают, что он болен виной за убийство моего брата и смерть претендента, которого объявили предателем, обвинив в участии в том же вымышленном заговоре. Я с мрачным весельем замечаю, что мы с королевой, обе потерявшие братьев, бледнеем и молчим о наших делах, а тот, по чьему приказу наших братьев убили, укладывается в постель, мучаясь виной. Но Елизавета и я обе привыкли к потерям, мы Плантагенеты, мы день за днем вкушаем предательство и сердечную боль; Генрих Тюдор в королях недавно, за него всегда воевали другие.

— Удачи, — коротко произносит Елизавета, указывая на мой округлившийся живот. — Вы уверены, что не хотите остаться? Вы могли бы родить здесь. За вами бы хорошо ходили, и я бы вас навещала. Прошу, Маргарет, передумайте и останьтесь.

Я качаю головой. Не могу я ей признаться, что меня тошнит от Лондона, тошнит от двора и от правления ее мужа и его властной матушки.

— Хорошо, — говорит она, понимая все. — А в Ладлоу вы поедете, когда снова будете на ногах? Присоединитесь к остальным?

Она предпочитает, чтобы я жила в Ладлоу, с ее сыном, Артуром. Мой муж опекает его в этом отдаленном замке, и ей спокойнее знать, что и я тоже с ним.

— Отправлюсь, как только смогу, — обещаю я. — Но вы же знаете, сэръ Ричард убережет и сохранит вашего мальчика, рядом я или нет. Он заботится о нем так, словно принц из чистого золота.

Мой муж — хороший человек, я этого никогда не отрицала. Миледи мать короля сделала удачный выбор, когда устраивала мой брак. Она всего лишь хотела, чтобы муж увез меня с глаз долой, но ненароком остановилась на том, кто души во мне не чаёт. Но сделка была ей не в убыток. В день нашего венчания она выплатила моему мужу самую ничтожную награду, мне и теперь почти смешно, когда думаю о том, что ему за меня дали: две фермы — два птичьих двора! — и крохотный разваливающийся замок. Он мог бы потребовать куда больше; но он всегда служил Тюдорам за спасибо, трусил за ними следом, только чтобы напомнить, что был на их стороне, шел за их знаменем, куда бы оно ни вело, не считаясь с потерями и ни о чем не спрашивая.

Еще в юности он положился на свою родственницу, леди Маргарет Бофорт. Она убедила его, как и многих других, что как союзник принесет победу, но как враг будет опасна. Совсем молодым мой муж воззвал к ее обостренным родственным чувствам и вверился ее заботам. Она заставила его присягнуть своему сыну, и мой муж, вместе с другими ее сторонниками, рисковал жизнью, чтобы ее сын сел на престол, а она получила титул, который сама для себя придумала: Миледи мать короля. Даже сейчас, в пору неоспоримого торжества, она цепляется за родичей, страшась ненадежных друзей и пугающих незнакомцев.

Я смотрю на свою сестру-королеву. Мы с ней так не похожи на Тюдоров. Ее они выдали замуж за сына Миледи, короля Генриха, и лишь после того, как почти два года проверяли ее плодовитость и верность, словно она была племенной сукой, которую надо было одобрить, короновали ее, хотя она принцесса крови, а он родился очень далеко от трона. Меня отдали за троюродного брата Миледи, сэра Ричарда. От нас обеих потребовали, чтобы мы отказались от своего рода, от своего детства, от прошлого; чтобы мы приняли их имя и присягнули им на верность, и мы это сделали. Но сомневаюсь, что даже после этого они когда-нибудь станут нам доверять.

Елизавета, моя двоюродная сестра, смотрит на своего сына, юного принца Артура, который ждет, когда ему приведут из конюшни коня.

— Я бы хотела, чтобы вы остались, все трое.

— Он должен быть в своих владениях, — напоминаю я. — Он же принц Уэльский, ему нужно быть поближе к Уэльсу.

— Я просто...

— В стране спокойно. Теперь король и королева Испании отправят к нам свою дочь. Мы вернемся быстро, подготовившись к свадьбе Артура.

Я не добавляю, что юную инфанту присылают лишь теперь, когда не стало моего брата. Ему пришлось умереть, чтобы не было соперничества за трон. Ковер, по которому инфанта пойдет к алтарю, будет красным, как кровь моего брата. И мне придется идти по нему с процессией Тюдоров и улыбаться.

— Есть проклятие, — внезапно произносит она, придвигаясь ко мне поближе и говоря мне на ухо, так что я чувствую на щеке тепло ее дыхания. — Маргарет, я должна вам сказать. Было проклятие.

Она берет меня за руку, и я чувствую, как ее рука дрожит.

— Какое проклятие?

— Что любой, кто выведет моих братьев из Тауэра, любой, кто отправит их на смерть, умрет сам.

Я в ужасе отшатываюсь и смотрю в ее побледневшее лицо.

— Что за проклятие? Кто его наложил?

Тень вины, проходящая по ее лицу, тут же открывает мне все. Наверняка это ее мать, ведьма, Елизавета. Я уверена, что роковое проклятие произнесла эта смертоносная женщина.

— Что именно она сказала?

Елизавета берет меня под руку и ведет меня к конюшням, под арку, где мы остаемся одни во дворе, и над нашими головами простираются голые ветви дерева.

— Я тоже говорила, — сознается она. — Это и мое проклятие, не только ее, я произнесла его вместе с матерью.

Я была совсем девочкой, но должна была понять... но я про-изнесла его вместе с ней. Мы обращались к реке, к богине... ну, вы понимаете!.. к богине, которая основала наш род. Мы сказали: «Нашего мальчика забрали, когда он еще не был мужчиной, не был королем — хотя был рожден, чтобы стать и тем, и другим. Так заведи сына его убийцы, пока он еще мальчик, прежде чем станет мужчиной, прежде чем достигнет власти. А потом заведи его внука, и когда ты его заберешь, мы поймем, что его смерть — действие нашего проклятия и его расплата за утрату нашего сына».

Я содрогаюсь и запахиваю дорожный плащ, словно залитый солнцем сад вдруг стал сырым и холодным от дыхания реки, давшей согласие.

— Вы сказали — такое?

Она кивает, глаза ее темны и полны страха.

— Что ж, король Ричард умер, а его сын умер до него, — смело говорю я. — Мужчина и его сын. Ваш брат исчез, когда был в его власти. Если он был виновен и проклятие сработало, то все, возможно, уже свершилось и его род пресекался.

Она пожимает плечами. Никто из знавших Ричарда ни мгновения не думал, что он убил своих племянников. Нелепое предположение. Он посвятил жизнь брату, он умер бы за своих племянников. Он ненавидел их мать и захватил трон; но он в жизни не тронул бы мальчиков. Даже Тюдоры не смеют зайти дальше намеков на подобное преступление; даже им не хватает наглости обвинить мертвого в злодеянии, которое он никогда бы не совершил.

— Если то был нынешний король... — Я понижаю голос до шепота, приблизившись настолько, что мы могли бы обняться, окутав Елизавету своим плащом и держа ее за руку; я едва отваживаюсь говорить в этом полном согласии в дворце. — Если по его приказу убили ваших братьев...

— Или его матери, — очень тихо отзывается она. — У ее мужа были ключи от Тауэра, мои братья стояли между ее сыном и тронном...

Мы содрогаемся, так крепко сжав руки, словно Миледи может подкрасться к нам сзади и подслушать. Нас обеих ужасает власть Маргарет Бофорт, матери Генриха Тюдора.

— Так, так, — говорю я, пытаюсь сдержать страх и не замечать, как дрожат наши руки. — Но, Елизавета, если это они убили ваших братьев, тогда ваше проклятие падет на ее сына, вашего мужа, и на его сына.

— Знаю, знаю, — тихо стонет она. — Чего я боюсь с тех пор, как впервые об этом задумалась. Что, если внук убийцы — мой сын, принц Артур? Мой мальчик. Что, если я прокляла своего мальчика?

— Что, если проклятие оборвет род? — шепчу я. — Что, если не останется мальчиков Тюдоров, одни бездетные девочки?

Мы стоим неподвижно, словно заледенели в зимнем саду. Над нашими головами раздается трель малиновки, предупреждающий клич, а потом птица улетает.

— Сберегите его! — с внезапным чувством говорит Елизавета. — Сберегите Артура в Ладлоу, Маргарет!

ЗАМОК СТОУРТОН, СТАФФОРДШИР,
ВЕСНА 1500 ГОДА

Я ухожу в заточение в Стоуртоне на месяц, а муж оставляет меня, чтобы сопровождать принца в Уэльс, в его замок в Ладлоу. Я стою в дверях нашего обветшавшего старого дома, чтобы помахать уезжающим вслед. Принц Артур опускается на колени, принять мое благословение, и я кладу руки ему на голову, а потом, когда он поднимается, целую в обе щеки. Ему тринадцать, он уже выше меня, этот мальчик, который хорош собой, как истинный Йорк, и обаятелен, как Йорк. В нем нет почти ничего от Тюдоров, только волосы у него медные и временами он неожиданно впадает в тревогу; все Тюдоры — пугливое семейство. Я обнимаю худенького мальчика и прижимаю его к себе.

— Будьте умницей, — велю я ему. — И осторожнее, когда станете упражняться с копьем и ездить верхом. Я обещала вашей матери, что с вами ничего не случится. Позаботьтесь о том, чтобы так и было.

Он закатывает глаза, как делают все мальчишки, когда женщина слишком над ними квохчет, но послушно склоняет голову, а потом разворачивается, запрыгивает на коня и натягивает поводья, так что конь пляшет и резвится.

— И не красуйтесь попусту, — велю я. — А если пойдет дождь, ступайте под крышу.

— Ладно, ладно, — говорит мой муж. Он тепло мне улыбается. — Я за ним присмотрю, вы же знаете. А вы поберегите себя, это вам в этом месяце предстоит потрудиться. И пошлите мне весточку, как только ребенок родится.

Я кладу руку себе на живот, чувствую, как шевелится ребенок, и машу отъезжающим. Смотрю, как они скачут на юг по красной глиняной дороге в Киддерминстер. Земля промерзла насквозь, они быстро минуют узкие тропинки, которые выются между пестрыми застывшими полями цвета ржавчины. Перед принцем скачут его знаменосцы и свита при оружии, одетая в его цвета. Сам принц едет рядом с моим мужем, их тесным защитным кольцом окружают слуги. За ними следуют выючные животные, везущие сокровища принца: его серебряную посуду и золото, его бесценные седла, доспехи, покрытые насечками и эмалью, даже его ковры и белье. Он повсюду возит за собой огромные ценности, он — Тюдор, английский принц, и ему прислуживают, как императору. Тюдоры подтверждают свое королевское право, выставляя напоказ богатство, словно надеются, что игра в короля сделает короля настоящим.

Возле мальчика, окружая мулов, везущих его сокровища, едет стража Тюдоров, новая стража, которую набрал его отец, в бело-зеленых ливреях. Когда королевской семьей были мы, Плантагенеты, мы ездили по тропинкам и дорогам Англии с друзьями и спутниками, без

оружия, с непокрытыми головами; нам не была нужна стража, мы никогда не боялись народа. Тюдоры всегда опасаются внезапного нападения. Они пришли с вражеской армией, за ними пришел мор, и даже теперь, почти пятнадцать лет спустя после победы, они все еще ведут себя как захватчики, неуверенные в том, что им ничто не угрожает, сомневающиеся, что их встретят добром.

Я стою, подняв на прощанье руку, пока они не скрываются от меня за поворотом, а потом захожу в дом, заворачиваясь в тонкую шерстяную шаль. Я пойду в детскую, повидаюсь с детьми, пока все в доме не сели обедать, а после обеда подниму бокал за управляющих моим домом и землями, веля им содержать все в порядке в мое отсутствие, и возвращусь к себе с дамами, повитухами и няньками. Там мне придется долгих четыре недели ждать нашего нового ребенка.

Я не боюсь боли, поэтому роды меня не пугают. Они у меня четвертые, по крайней мере, я знаю, чего ждать. Но я их и не жду, ни один из моих детей не принес мне той радости, которую я вижу в других матерях. Мальчики не наполняют меня яростным честолюбием, я не могу молиться о том, чтобы они добились в этом мире положения — безумием с моей стороны было бы желать, чтобы они привлекли внимание короля: что он увидит, кроме еще одного юноши из Плантагенетов? Соперника, имеющего право на трон? Угрозу? Глядя на дочь, я не радуюсь тому, что подрастает маленькая женщина: еще одна я, еще одна принцесса Плантагенетов. Что еще мне думать о ней, кроме того, что она обречена, если воссияет при дворе? Я благополучно пережила эти годы, поскольку была почти невидимкой, так как мне нарядить девочку и выставить ее всем напоказ, чтобы ею восхищались? Я желаю ей лишь уютного забвения. Чтобы быть любящей матерью, женщина должна глядеть в будущее с надеждой, исполненная чаяний для своих детей, должна думать, что их ждет счастливое будущее, мечтать о великих свершениях. Но я из дома Йорков, я лучше всех знаю, что этот мир ненадежен и опасен, и лучшее будущее, что я могу уготовить своим детям, — выживание в тени, хотя